

Т. И. Ерохина

Пограничность бытия личности русского символиста

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15–03–00655

В статье представлена разработка феномена пограничности в контексте русской культуры рубежа XIX–XX вв. Обозначена онтическая значимость пограничности в культуре, которая трактуется как специфический способ существования творческой личности. Отмечена множественность коннотаций пограничности в культуре, акцентировано внимание на моделирование пограничности личности. В статье рассмотрены составляющие феномена пограничности бытия личности русского символиста, которые обусловлены спецификой формирования символистской ментальности. Пограничность актуализирована в русском символизме как историческая (рубеж веков) и территориальная составляющая (Восток/Россия/Запад) ментальности; осмыслена во временном (вневременном) аспекте как пограничное состояние между эпохами; представлена в пространственном (внепространственном) аспекте как преодоление границ мира и культур. Особое внимание уделено онтическому основанию пограничности личности символиста как обыденной и мифологизированной личности. Проанализированы живописные и вербальные портреты русских символистов, отмечена трансформация феномена пограничности в многогранность и безграничность личности.

Ключевые слова: пограничность, границы, творческая личность, русский символист, ментальность, время, пространство, обыденное, мифологизация, культура.

Т. I. Erokhina

Frontier of Life of the Russian Symbolist's Identity

Development of the phenomenon of frontier in the context of the Russian culture at the turn of the XIX–XX century is presented in the article. The ontical importance of frontier in culture which is treated as a specific way of existence of the creative person is designated. Plurality of connotations of frontier in culture is noted, the attention to modeling of frontier of the personality is focused on. In the article components of the phenomenon of frontier of life of the Russian symbolist's identity which are caused by specificity of formation of symbolist mentality are considered. The frontier is staticized in the Russian symbolism as a historical (a turn of centuries) and territorial component (the East/Russia/the West) of mentality; it is comprehended in the temporary (timeless) aspect as a borderline between eras; it is presented in the spatial (extra spatial) aspect as overcoming of borders of the world and cultures. The special attention is paid to the ontical basis of frontier of the symbolist's identity as the ordinary and mythologized personality. Picturesque and verbal portraits of the Russian symbolists are analysed, transformation of the phenomenon of frontier in versatility and infinity of the personality is noted.

Keywords: frontier, borders, a creative person, a Russian symbolist, mentality, time, space, ordinary, mythologization, culture.

В последние десятилетия осмысление феномена пограничности занимает одно из ведущих мест в гуманитарных науках. Свидетельством тому становится появление многочисленных публикаций, посвященных актуализации феноменов «пограничность» и «граница» в трудах Р. Барта, М. Бахтина, Ж. Дерриды, Ю. Лотмана, М. Фуко, М. Хайдеггера и др.; а также работ, определяющих специфику пограничности в современных философских, социологических, филологических, культурологических, психологических аспектах (см. например, работы П. Плютто, Э. Дж. Стейнбока, М. Тлостановой [14, 16, 19]).

Пограничность, наполняемая разными коннотациями, приобретает все более универсальный характер, включает не только и не столько рубежность, двойственность, переходность собы-

тий и явлений, но и обязательность, уникальность, парадоксальность бытия личности: «важным свойством культурного пограничья является амбивалентность, ярче всего проявляющаяся в характеристике ускользающего от определения “пограничного сознания”, человека, противостоящего не только безместности, но и новому укоренению в одной, двух или более культурах» [19].

Пограничность бытия становится онтическим основанием существования творческой личности, изначально ориентированной на преодоление границ – границ личности, сознания, пространства и времени, текста, культуры.

Наиболее отчетливо возрастает роль пограничности бытия в культурах, специфика формирования которых изначально предполагает наличие границ и пограничья. Речь идет о культурах

рубежных периодов и эпох, среди которых особый интерес представляет культура символизма.

Ориентированные во многом на романтический тип личности и неомифологическое сознание (З. Минц [12]), символисты тяготеют к преодолению романтического двоения и моделированию особого типа бытия личности, пограничность которой обусловлена особенностями символистской ментальности.

К таким чертам ментальности, прежде всего, относится острое переживание *рубежа* как перехода, *пограничного* состояния, соотносимого с ощущением нестабильности, динамики, перемен, смысл которых неясен и непредсказуем; осознание утраты традиций уходящего века, разрыва культурной преемственности, которое приводит к экзистенциальному ощущению одиночества, страха, гибели [11].

Пограничность актуализируется в ментальности символизма и как *временная категория*, которая трактуется как представление о кругообразном течении времени, своеобразном «кольце возврата» (А. Вислова): «Согласно этой модели настоящее воспроизводит момент прошлого (в терминах символизма это явление называется “возвратность мигов”) и отдельные культурные эпохи “всплывают” и “оживают” в культуре современности» [6, с. 4], разрушая, таким образом, концепцию линейного, необратимого времени. Время имеет в символистском творчестве мифологические черты, и пристрастие символистов к мгновению, зыбкости, «импрессионистичности» отражения/трансформации времени также свидетельствует о пограничности бытия.

Многие современники отмечали особую способность символиста быть «вне времени и пространства», принадлежать одновременно нескольким эпохам. Наиболее часто современники подчеркивали сочетание «древности» и/или юности, свойственное символистам. К таким пограничным или «вневременным» (что является одним из свойств мифологического образа) персонажам относится Вяч. Иванов («Во всем германски-профессорском облике поэта, в особенности же в почти манерном наклоне головы и мелодическом жесте, нечто *старинно-романтическое*, но и *современно-декадентское*, причем, несмотря на 45-летний возраст Иванова, определенно юношеское» (курсив мой. – Т. Е.) [17]; К. Бальмонт («Было в Бальмонте непосредственного, детского <...> Для него, как для ребенка, не было прошедшего, не было и будущего, было

одно настоящее. Может быть, этим можно отчасти объяснить, что Бальмонт так мало менялся с годами, даже физически» [2, с. 354]); М. Кузмин («Из каких эпох пришел к нам этот удивительный человек? Даже наружность его необычайна: ... лицо <...> напоминает фаюмские портреты из саркофагов мумий; также и образы русских икон приходили на память при виде этого аскетического лица» [9, с. 150]).

Пограничность воспринимается и как *пространственная категория*, которой свойственно преодоление границ. Символистское пространство не может быть конкретным; в своей конкретике, с реконструкцией ландшафта, географических ориентиров, границ и предметов, оно символистами принципиально отвергается. Оно «распредмечивается», теряет определенность и статичность, тяготеет к мифологизации. А. Белый замечает, что Д. Мережковский «всегда смотрел *сквозь* человека, *сквозь* стены, *сквозь* пространство, *сквозь* время» [3, т. 2, с. 372]. Для символистов характерно стремление преодолеть пространство, расширить его до масштабов Вселенной, подчеркнуть его *безграничность*, множественность. Названия сборников стихотворений поэтов-символистов подчеркивают данную специфику пространства: К. Бальмонт «Под Северным Небом» (1894), «В Безбрежности» (1895), А. Блок «Распутья» (1902–1904), а стихотворные тексты – отражают неопределенность пространства: «В беспредельности пространства/ Где-то есть земля иная», «Наивно верю временам,/ Покорно предаюсь пространствам,/ Земным изменчивым убранствам,/ И беспредельным небесам/...» (Ф. Сологуб), «Я чувствую какие-то прозрачные пространства» (К. Бальмонт).

Пространство, создаваемое художниками, поэтами-символистами, ощущаемое и переживаемое как атмосфера соборности, мифотворчества, житнетворчества, является, по сути, «внепространственным» или *пограничным* пространством: символизм стремится «к метафорическому, нескончаемому преображению всех устоявшихся пространственных и временных форм в органически-пульсирующие, подчиненные внутреннему переживанию пространства и времени образования» [20, с. 408]: «Тени, и люди, и боги, и звери,/ Время, пространство, причина, и цель,/ Пышность восторга, и сумрак потери,/ Смерть на мгновение, и вновь колыбель./ Ткань без предела, картина без рамы...» (К. Бальмонт).

Но пространственный модус символистского пространства в России имеет и специфические черты, заданные ментальными чертами русской культуры. К ним относятся осознание пограничного состояния России, выраженное в бинарной оппозиции Восток/Запад, тяготеющей к тернарной модели пространства: Восток/Россия/Запад.

Символисты осознают необходимость ориентации на мировую культуру, раздвигают границы мира – отсюда внепространственная и вневременная увлеченность античностью, экзотикой Востока, традициями Возрождения, переводами.

Кроме того, *пограничность* становится чертой, характеризующей *сознание личности*, для которой становится свойственно размывание границ между обыденной (существующей в предметно-чувственном мире) и мифологической/мифологизированной личностью.

Наиболее отчетливо пограничность подобного существования личности мы обнаруживаем в живописных портретах русских символистов (Л. Бакст, К. Сомов), а также в вербальных портретах, созданных символистами (А. Белый, М. Волошин).

Живописные и вербальные портреты свидетельствуют не только о пограничном существовании самой личности символиста, но и об осознании этой пограничности современниками символистов.

Показательно, что пограничность существования личности символиста редко представлена посредством обращения к мифологическим образам. Наиболее часто пограничное состояние модели создается с помощью живописных художественных средств, например, соединением графичности (плоскостного характера, схематизма, порывистости линии, эскизности рисунка) и акварельной живописи (придающей объемность и реалистичность фигуре или лицу) в портретах Л. Бакста, создавшего, по мнению критиков, «декадентские» портреты З. Гиппиус и А. Белого [1; 15]. Портрет З. Гиппиус репрезентативен в аспекте пограничности в связи с несколькими важными моментами: перед нами поэтесса в необычном (несвойственном для женского образа русской культуры конца XIX – начала XX в.) мужском одеянии, близком к образу денди, что соответствует ее андрогинному, а следовательно, пограничному состоянию и размывает границы гендерной идентичности. Отсутствие проработанного фона (а также историческая стилизация костюма) подчеркивает символичность и, как следствие, мифологичность образа поэтессы,

находящейся как бы вне времени и пространства: «Рисунок по характеру образа можно было бы причислить к тем иконографическим свидетельствам эпохи, где реальная модель представлена в той или иной театральной роли. Но здесь эта роль – не сценическое занятие, а вид ставшего бытовой привычкой домашнего лицедейства» [1, с. 33].

Портрет А. Белого (1906 г.) выполнен в близкой манере, в нем подчеркивается пограничность как двойственность (присутствие в реальном мире и «воздушность», «неземной» облик поэта), неоднократно отмеченная современниками А. Белого: «Во всей его фигуре было нечто всегда готовое к прыжку, к нырку, а может быть, и к взлету; в поставе и движениях рук – нечто крылатое, рассекающее стихию: водную или воздушную <...> Одно никогда не чувствовалось в Белом – корней. Он был существом, обменявшим корни на крылья» [18, с. 202–203]. Обратим внимание еще на одно словесное описание А. Белого, данное Н. Валентиновым, в котором авторское восприятие символиста коррелирует и даже в какой-то мере объясняет портрет, созданный Л. Бакстом: «В течение многих первых месяцев знакомства с Белым ничто в моих глазах так точно не схватывало его сущность, как именно эта “символистическая” формула. У него была интересная голова, светлые волосы, чудные глаза, очаровательная улыбка, “крылья” (он ведь «летал» по всей Москве), “а дальше – ничего”. Пиджак, галстук бантиком, штаны, ботинки – только “внешность”. За нею ровно ничего. Голым Белого я представить себе не мог. Он был как бы бестелесен, не физичен» [5, с. 83].

В 1900-е гг. была создана целая серия портретов литераторов и художников (по заказу Н. Рябушинского), опубликованная в дальнейшем на страницах журналов «Золотое руно», а затем «Аполлон». В эту серию, помимо указанных выше работ Л. Бакста, входили выполненные в той же пограничной (графически-живописной) манере портреты К. Сомова (Вяч. Иванов, А. Блок, Ф. Сологуб, М. Кузмин, Е. Лансере), а также портрет М. Врубеля (В. Брюсов). Эти произведения и составили славу графического портрета, который стал одним «из самых распространенных видов поэтического суждения о личности» [1, с. 24].

Таким образом, общей тенденцией портретного искусства в русской художественной культуре конца XIX – начала XX в. становится отражение двойственной сущности творческой личности

символиста: «портретные замыслы того времени часто оказывались погруженными в поэтический мир мифа <...> творили легенду, связывая вымысел с жизнью, населяя мифологическое смысловое пространство конкретными живыми людьми» [1, с. 35], способствуя восприятию пограничного бытия обыденной и мифологизированной личности.

Подобную тенденцию встречаем и в вербальных портретах, наиболее ярко представленных в критике М. Волошина. Практически все воспоминания поэта, а также предложенный им анализ поэтического наследия русских символистов отмечены стремлением создать миф о символистах, что, по мнению критиков, стало принципом и критерием оценки современного символистского искусства у М. Волошина: «Для писателей символистской школы именно личность художника была и отправной точкой, и целью творческого акта, жизненный путь осмыслялся как форма идейно-эстетического самосуществования, а конкретные жизненные события и внутренние переживания перетекали в художественные формы зачастую без каких-либо посредствующих звеньев, служили обязательным и порой едва ли не единственным подручным материалом для мифопоэтических построений» [10, с. 234].

Так, для М. Волошина лицо А. Блока «выделяется своим ясным и холодным спокойствием, как мраморная греческая маска <...> оно напоминает строгую голову Праксителя Гермеса, в которую вправлены бледные глаза из прозрачного тусклого камня. Мраморным холодом веет от этого лица» [8, с. 485], а М. Кузмин имеет «прекрасный греческий профиль <...> Такой профиль можно видеть на изображениях Перикла и на бюсте Диомеда. Но характер *бесспорной античной подлинности* (курсив мой. – Т. Е.) лицу Кузьмина дает особое нарушение пропорций, которое встречается только на греческих вазах» [8, с. 471].

Пограничность бытия личности представлена посредством мифологизации, которая происходила не только за счет обращения к античности. Наиболее интересны способы мифологизации, которые основаны на мифологизировании каких-либо черт, свойств характера, на моделировании своего рода мифологического «хронотопа личности» символиста. Так, в воспоминаниях М. Волошина образ М. Кузьмина мифологизирован не только и не столько античными аллюзиями, сколько формированием мифологического времени, в котором пребывает поэт: «Когда ви-

дишь Кузьмина в первый раз, то хочется спросить его: “Скажите откровенно, сколько вам лет?”, но не решаешься, боясь получить в ответ: “Две тысячи”» [8, с. 471].

Помимо зрительного образа, пограничность бытия личности подчеркивается и за счет выявления сходства внешнего и внутреннего облика поэтов. Так, обозначив «наполеоновскую» позу В. Брюсова и лицо поэта, «затаившего в себе великую страсть» [8, с. 408] (обратим внимание, что описание, данное критиком, практически словесно иллюстрирует портрет В. Брюсова, созданный М. Врубелем, а «титаничность» претензий В. Брюсова была отмечена и А. Белым: «Он, точно наказанный Атлас, стоял с полушарием своей вселенной в безводной пустыне девяностых годов» [13, с. 196]), М. Волошин, анализируя поэзию «мэтра символизма», определяет В. Брюсова как «поэта-завоевателя», «создателя империи», «римлянина», который и в жизни, и в творчестве ведет борьбу за первенство в русской поэзии: «Именно эту великую страсть самоутверждения, неодолимую волю к власти и первенству прочитал я в его лице...» [8, с. 415–416].

По мнению Т. Бреевой, М. Волошин выделяет два способа мифологизации: мифологизацию облика (В. Брюсов) и мифологизацию поэтического голоса (С. Городецкий). В последнем образ поэта «как бы отражается в зеркальных проекциях его лирического «я» [4]: «Что Сергей Городецкий молодой фавн, прибежавший из глубины скифских лесов, об этом я догадался еще раньше, чем он сам проговорился в своей книге <...>. Это было ясно при первом взгляде на его худощавую и гибкую фигуру *древнего юноши*» (курсив мой. – Т. Е.) [8, с. 464]. Мифологические ассоциации М. Волошина кажутся избыточными, он объединяет персонажей разных мифосистем, пытаясь представить наиболее полно и образно символиста как персонажа и творца мифа (поэтому С. Городецкий у М. Волошина и фавн, и египетский бог Тот, и Пан, и «русский чертяка» [8, с. 464–471]). *Пограничность личности* трансформируется в *многогранность*, а затем – *безграничность личности* и ее трансформаций.

Пограничность личности символиста в мемуарах современников представлена не менее (а в количественном отношении и более) репрезентативно. Вероятно, отчасти это обусловлено самой спецификой мемуарной литературы: мифотворчество прошлого дано сквозь призму времени, с учетом того значения, которое сыграл символизм в русской культуре.

Мифологизируется облик символиста как Поэта. Такому облику Поэта (хотя порой и в негативной модальности) в наибольшей степени соответствовали, по мнению современников, К. Бальмонт («Бальмонт был великолепен. Если бы надо было собрать все приметы пошлости, все обывательские представления о “поэте”, – то не надо было думать, надо было только сфотографировать Бальмонта. Золотые, годами невымытые кудри <...> высокопарное произношение в нос <...> выводок стилизованных девиц в модных платьях “реформ”, уткнувшихся в лицо Бальмонта влюбленными глазками и глотивших его руки, ...невнятные речи и плохие стихи... – словом, вид того самого рассеянного поэта, не потребованного к священной жертве Аполлоном и погруженного в забавы суетного света, который был так мне противен» [13, с. 483]) и Вяч. Иванов («Его довольно высокий голос и всегда легкий пафос подходили ко всему облику Поэта. Он был высок и худ и как-то устремлен вперед и еще имел привычку в разговоре подыматься на цыпочки. Я раз нарисовал его в этой позе “стартующим” к звездам с края Башни, с маленькими крылышками на каблуках» [1, с. 85]).

Таким образом, пограничность бытия личности русского символизма определяется как отличительная черта ментальности русского символиста. Пограничность представлена не только как категория, актуализирующая исторические и пространственные рубежи русского символизма, она имеет пространственно-временные (реализуемые в стремлении символистов к размыванию границ и моделированию особого хронотопа) и онтические основания. Пограничность бытия личности русского символиста осмысливается как отсутствие границ обыденной и мифологической (мифологизированной) личности, что привело к возникновению в современной критике обозначения поэта-символиста как *мифопоэта* (А. Ханзен-Леве). Центральной темой символистского творчества становится «самоизображение мифопоэта как рационально-иррационального двойственного существа» [21, с. 16], многогранной творческой личности, пребывающей на границах культуры.

Библиографический список

1. Алешина, Л. С. Образы и люди Серебряного века [Текст] / Л. С. Алешина, Г. Ю. Стернин. – М. : Галарт, 2002.
2. Андреева-Бальмонт, Е. Воспоминания [Текст] / Е. Андреева-Бальмонт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
3. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. / А. Белый. – Т. 1. – М. : Искусство, 1994 ; Т. 2. – М. : Искусство, 1994.
4. Бреева, Т. Н. Пути мифологизации образа художника в литературной критике М. Волошина [Электронный ресурс] / Т. Н. Бреева. – Режим доступа: <http://www.ksu.ru/fil/kn4/index.php?sod=21>. Проверено: 10.02.15.
5. Валентинов, Н. Два года с символистами [Текст] / Н. Валентинов. – М. : XXI век – Согласие, 2000.
6. Вислова, А. В. «Серебряный век» как театр: Феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. [Текст] / А. В. Вислова ; Мин-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. – М., 2000.
7. Волошин, М. Лики творчества [Текст] / М. Волошин. – Л. : Наука, 1988.
8. Волошина, М. С. Зеленая Змея. История одной жизни [Текст] / М. С. Волошина. – М. : Энигма, 1993.
9. Гречишкин, С. С. Символисты вблизи [Текст] : очерки и публикации / С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. – СПб. : Изд-во «Скифия», ИД «ТАЛАС», 2004.
10. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Александр Рутман, 2003.
11. Минц, З. Г. Поэтика русского символизма [Текст] / З. Г. Минц. – СПб. : Искусство-СПб, 2004.
12. Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890–1922) [Текст] / [сост., примеч., указатель Т. Ф. Прокопова]. – М. : Интелвак, 2006.
13. Плютто, П. А. О двух модусах сознания [Электронный ресурс] / П. А. Плютто. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/pdf/eps/03/21.pdf> Проверено: 12.04.15.
14. Русакова, А. А. Символизм в русской живописи [Текст] / А. А. Русакова. – М. : Искусство, 1995.
15. Стейнбок, Э. Пограничные феномены и пограничность опыта [Электронный ресурс] / Э. Стейнбок. – Режим доступа: <http://ifkik.ru/docs/articles/Pogranichnyefenomeny-i-pogranichnost-opyta.pdf> Проверено: 11.05.15.
16. Степун, Ф. А. Бывшее и несбывшееся [Электронный ресурс] / Ф. А. Степун. – Режим доступа: http://bungalos.ru/b/stepun_byvshee_i_nesbyvsheesya/10 Проверено: 10.02.15.
17. Степун, Ф. А. Встречи и размышления [Текст] / Ф. А. Степун. – London : Overseas Publ. Interchahge, 1992.
18. Тлостанова, М. В. Исследования пограничья/vs пограничное (co) знание, мышление, творчество. [Электронный ресурс] / М. В. Тлостанова. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2012/05.pdf> . Проверено: 23.07.2015
19. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифо-поэтический символизм [Текст] / А. Ханзен-Леве ; [пер. с нем. М. Ю. Некрасова]. – Т. 48. – СПб. : Академический проект, 2003. – (Современная западная русистика).

20. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм [Текст] / А. Ханзен-Леве. – СПб. : Академический проект, 1999.

Bibliograficheskij spisok

1. Aleshina, L. S. Obrazy i ljudi Serebrjanogo veka [Текст] / L. S. Aleshina, G. Ju. Sternin. – М. : Galart, 2002.

2. Andreeva-Bal'mont, E. Vospominanija [Текст] / E. Andreeva-Bal'mont. – М. : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996.

3. Belyj, A. Kritika. Jestetika. Teorija simvolizma [Текст] : v 2 t. / A. Belyj. – Т. 1. – М. : Iskusstvo, 1994 ; Т. 2. – М. : Iskusstvo, 1994.

4. Breeva, T. N. Puti mifologizacii obraza hudozhnika v literaturnoj kritike M. Voloshina [Jelektronnyj resurs] / T. N. Breeva. – Rezhim dostupa: <http://www.ksu.ru/fil/kn4/index.php?sod=21>. Provereno: 10.02.15.

5. Valentinov, N. Dva goda s simvolistami [Текст] / N. Valentinov. – М. : XXI vek – Soglasie, 2000.

6. Vislova, A. V. «Serebrjanyj vek» kak teatr: Fenomen teatral'nosti v kul'ture rubezha XIX–XX vv. [Текст] / A. V. Vislova ; Min-vo kul'tury RF. Ros. in-t kul'turologii. – М., 2000.

7. Voloshin, M. Liki tvorcestva [Текст] / M. Voloshin. – Л. : Nauka, 1988.

8. Voloshina, M. S. Zelenaja Zmeja. Istorija odnoj zhizni [Текст] / M. S. Voloshina. – М. : Jenigma, 1993.

9. Grechishkin, S. S. Simvolisty vblizi [Текст] : ocherki i publikacii / S. S. Grechishkin, A. V. Lavrov. – SPb. : Izd-vo «Skifija», ID «TALAS», 2004.

10. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura [Текст] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Aleksandr Rutman, 2003.

11. Minc, Z. G. Pojetika russkogo simvolizma [Текст] / Z. G. Minc. – SPb. : Iskusstvo-SPB, 2004.

12. Moskovskij Parnas: Kruzhki, salony, zhurfiksy Serebrjanogo veka (1890–1922) [Текст] / [sost., primech., ukazatel' T. F. Prokopova]. – М. : Intelvak, 2006.

13. Pljutto, P. A. O dvuh modusah soznanija [Jelektronnyj resurs] / P. A. Pljutto. – Rezhim dostupa: <http://www.intelros.ru/pdf/eps/03/21.pdf> Provereno: 12.04.15.

14. Rusakova, A. A. Simvolizm v russkoj zhivopisi [Текст] / A. A. Rusakova. – М. : Iskusstvo, 1995.

15. Stejnok, Je. Pogranichnye fenomeny i pogranichnost' opyta [Jelektronnyj resurs] / Je. Stejnok. – Rezhim dostupa: <http://ifkik.ru/docs/articles/Pogranichnye-fenomeny-i-pogranichnost-opyta.pdf> Provereno: 11.05.15.

16. Stepun, F. A. Byvshee i nesbyvsheesja [Jelektronnyj resurs] / F. A. Stepun. – Rezhim dostupa: http://bungalos.ru/b/stepun_byvshee_i_nesbyvsheesya/10 Provereno: 10.02.15.

17. Stepun, F. A. Vstrechi i razmyshlenija [Текст] / F. A. Stepun. – London : Overseas Publ. Interchahge, 1992.

18. Tlostanova, M. V. Issledovanija pogranich'ja/vs pogranichnoe (so) znanie, myshlenie, tvorcestvo. [Jelektronnyj resurs] / M. V. Tlostanova. – Rezhim dostupa: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2012/05.pdf> . Provereno: 23.07.2015

19. Hanzen-Leve, A. Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskikh motivov. Mifo-pojeticheskij simvolizm [Текст] / A. Hanzen-Leve ; [per. s nem. M. Ju. Nekrasova]. – Т. 48. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2003. – (Sovremennaja zapadnaja rusistika).

20. Hanzen-Leve, A. Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskikh motivov. Rannij simvolizm [Текст] / A. Hanzen-Leve. – SPb. : Akademicheskij proekt, 1999.